

Я лежала в чулане, связанная и с кляпом во рту, наедине со своими мыслями.

(Итак, я действительно сделала это.)

Я попыталась разобраться в своих чувствах, пытаюсь понять, что я чувствую по этому поводу, и всё, что я смогла найти - это немного удовлетворения. Там не было много горя, ни сожаления. Нет, тут было какое-то сожаление. Я ничего не нашла о похищенном ребёнке, а теперь даже не могу спросить об этом.

Хотя это, вероятно, произошло до того, как я прибыла в приют, я сожалела, что у меня не было предвидения, чтобы, по крайней мере, получить некоторые подсказки, прежде чем убить этих троих.

Было также ещё одно последнее чувство, поднимающееся из глубины души: голод. Запах крови пронизывал даже этот закрытый шкаф, и хотя это была не особенно качественная кровь, она возбуждала мой аппетит.

Мне оставалось только надеяться, что, пока я буду терпеть это, мой желудок не будет урчать в неподходящее время.

Кроме того, мне было просто скучно.

Большая часть маленьких пушистых шариков попала в шкаф и лениво плавала там. Я чувствовала, как несколько человек бесцельно бродят снаружи. К сожалению, я была не в том положении, чтобы развлекать их, но чувствовалось, что они, по крайней мере, могли читать атмосферу так много, и не настаивали на этом.

Подумать только, что в конце концов я так мало чувствовала после убийства людей. Мне было немного стыдно за то, что я это сделала, но не какая-то парализующая тревога по этому поводу. Я не могла сказать, было ли это потому, что это было в моей природе, было ли это что-то врождённое, когда речь шла о том, чтобы быть вампиром, или я была приучена мало заботиться о смерти после прихода в этот мир.

Я надеялась, что это был последний. Как ни ужасна была эта мысль, она была намного лучше, чем две другие. И было достаточно доказательств, которые нельзя было отрицать. С тех пор как я родилась в этом мире, я каждый день убивала, чтобы выжить. Даже если я никогда особо не задумывалась о том, что убила, это всё равно было убийство. Для меня многие из них ничем не отличались от убийства насекомых на Земле, а всё, что ощущалось сильнее, было похоже на ломку роботов или что-то в этом роде. Проблемы, которые нужно преодолеть, а не заканчивать жизнь.

Если так, то это не было неотъемлемой частью этого мира или моей расы.

(Нет, в некотором смысле это неотъемлемая часть этого мира, но только не та, которую испытывает каждый.)

Но если это не было неотъемлемой частью моей расы, то это уменьшало вероятность того, что все другие вампиры были враждебны к основным нациям этого мира. Но в конце концов, я могла только надеяться, что не был слишком большой аномалией в этом отношении.

Поскольку я мало что могла сделать самостоятельно, мне оставалось только отложить эту мысль и двигаться дальше. Мне действительно нужно было быть осторожным, чтобы не понизить ценность разумной жизни в моем сознании, хотя теперь, когда я поняла, как мало сопротивления я оказывала убийству, я была чрезвычайно склонна падать вниз по этому скользкому склону.

Двигаясь дальше, я должна была подумать о том, что ещё мне нужно сделать, чтобы избежать подозрений. До сих пор я физически пряталась и сдерживала себя. Любому случайному наблюдателю могло показаться, что меня насильно связали и скрыли от посторонних глаз. Я надеялась, что даже при самом тщательном осмотре фасад выдержит испытание временем.

Кроме того, трансформация, которой я подвергла своё тело, должна была значительно затруднить, если не почти невозможна, для кого-то, чтобы связать меня с моей истинной личностью.

Но одного этого было бы недостаточно. Я произвела только первое впечатление, которое удержало бы меня от подозрений. Подозрения не могли пасть на меня до тех пор, пока я не скроюсь из виду и не буду обнаружена для дальнейших расспросов.

Для этого мне нужно было подтвердить свою легенду. Если я играю роль невинного свидетеля, который был в той же комнате, когда произошло убийство, я должна быть в состоянии предоставить основные показания свидетелей, иначе я была бы подозреваемым, поскольку были свидетели того, как я вошла в здание.

Но не похоже, чтобы мне было нужно что-то большее, чем какой-то подозрительный человек вошёл через парадную дверь и, убив развратника, который привёл меня в свой дом, убежал, вылез из окна, связав меня и спрятав в шкафу.

Даже описание убийцы можно было сделать на лету, если оно было достаточно последовательным.

Поскольку мне, скорее всего, не придётся особенно беспокоиться на этот счёт, меня снова охватила скука.

Пока я лежала в темноте на боку, мои мысли блуждали.

В конце концов, даже если это было для самозащиты и для защиты сиротского приюта, я убила трёх человек. Что подумают люди, если узнают об этом? А что подумают сироты? Филия? Алисия?

Люди... они не могут этого выяснить. Мне бы не поздоровилось, если бы они это сделали. Реакцию сирот было трудно предсказать. Многие из них были слишком молоды, чтобы укрепить свою мораль, и на них сильно повлияла бы их привязанность ко мне. Филия... она, вероятно, не одобрила бы, но в то же время я думал, что она тоже поймет.

(Алисия. Что она подумает?)

Как и сироты, её трудно было предсказать на этом фронте, несмотря на то, что они прожили вместе целый год. С одной стороны, она была молода и впечатлительна, как сироты, но ее мнение обо мне было гораздо более твердым, и она, вероятно, была более способна объективно оценивать мои действия.

(По крайней мере, мне хотелось бы думать, что она могла бы.)

Может быть, это было просто принятие желаемого за действительное, но иногда Алисия казалась гораздо более зрелой, чем предполагал её возраст. По крайней мере, мне так казалось.

Оглядываясь назад, я понимаю, что Алисия была намного сильнее меня, когда я столкнулся с ее смертью. Она справилась с этим с достоинством, которого я не мог, так как она слабела день ото дня. В конце концов, я был в полной растерянности, отчаянно пытаюсь найти способ спасти ее, в то время как она спокойно принимала свою судьбу.

Даже в конце концов, она хотела использовать то, что от неё осталось, чтобы поддержать меня. Несмотря на то, что Алисия прожила лишь малую толику своей жизни, она была способна на такие вещи, на которые я даже близко не была способна.

Когда образы её последних мгновений пронеслись в моей голове, я была ошеломлена ощущением того, что моя грудь была раздавлена, а слёзы свободно потекли из моих глаз.

Я так по ней скучала. Мне так отчаянно хотелось услышать её голос, почувствовать ее прикосновение. Чтобы снова увидеть её улыбку.

Лежа в темноте, я тихо плакала.

Звук глухого эха вывел меня из мрачного состояния.

Глухие отзвуки были слабыми, но отчетливыми и повторялись с постоянной скоростью. Это был звук шагов по ковру сквозь стены.

Напрягая все свои чувства, я почувствовала, что кто-то медленно приближается. Срочности вроде бы не было, так что кто бы это ни был, он ещё не знал, что что-то не так.

Но когда они приблизились, они остановились на мгновение, затем стали быстрыми и громкими, прежде чем остановиться совсем рядом. Раздалось несколько стуков, затем звук открывающейся двери.

— Милорд!

Ещё несколько торопливых шагов, прежде чем совсем остановиться.

— Боже мой, как это могло случиться?

— Ммммм!

Рассудив, что время выбрано самое подходящее, я закричала сквозь кляп и легонько ударилась ногами о дно шкафа.

— Что?!

Через мгновение я внезапно ослеп, когда шкаф был открыт.

— Боже мой! Ты! Ты в порядке?

Пожилой мужчина в хорошо помятом чёрном костюме обхватил мою голову рукой и вытащил шарф изо рта.

— Он... я... господин...!

Я быстро выпалила, стараясь, чтобы мой голос звучал неуверенно.

— Тссс, тссс, теперь вы в безопасности. Никто не причинит вам вреда, Мисс. Позвольте мне снять эти завязки.

Старик уложил меня обратно и начал возиться с кандалами. Ему потребовалось несколько минут, чтобы освободить меня, несмотря на то, что кандалы были скреплены только парой больших булавок. Возможно, мне придётся пересмотреть дизайн, если мне когда-нибудь снова придётся носить такую вещь. Опять же, его руки сильно дрожали, так что это могло быть как-то связано с этим.

— Прошу прощения за задержку. Я Ванир, главный дворецкий дома Кори. Могу я услышать

ваше имя?

— А, мм... я Луна.

Я не думала, что меня спросят, как меня зовут. Я могла только надеяться, что он примет такое импровизированное имя.

— Это Луна? Я знаю, что это трудно, но могу ли я предположить, что вы были свидетелем того, что произошло с милордом?

Кивнув, я рассказала ему свою выдуманную историю.

— Когда, когда господин просил, требовал... он толкал меня к кровати, я слышала... в дверь вошёл мужчина, большой, высокий мужчина. Когда я обернулся, он был уже позади Лорда, и я увидела боль, страх на его лице, когда высокий человек стоял позади него. На нём был белый плащ с капюшоном. Я не могла видеть его лица, но... Но он прошептал что-то на ухо ему, прежде чем положить его на землю. В его спине был нож или что-то в этом роде. Затем мужчина повернулся ко мне. Я попыталась убежать, но он схватил меня, заткнул рот и заковал в кандалы. Меня поместили в этот чулан. Я, я слышала, я не знаю. Что-то странное. Но потом послышался звук, как будто он открыл окно, а потом послышалось какое-то царапанье. После этого я ничего не слышала.

Я ужасно заикалась, отчаянно пытаюсь собрать воедино эту историю. Отсутствие планирования и репетиций действительно показывало, но в свою очередь я надеялась, что это звучит более достоверно, чем возможность плавно изложить свою историю, как будто я читала сценарий.

— Понимаю. Полагаю, вас привезли сюда по просьбе Милорда?

Я молча кивнула.

— Как необычно. Он предпочитает, чтобы люди согревали его постель, а не лисьи шкуры.

(Дерьмо.)

— Я, гм, обычно прикрываюсь. Это, это то, что было на мне, когда меня привели сюда его охранники.

Чтобы подкрепить свою точку зрения, я быстро подобрала сверток с брошенной тряпкой возле шкафа и развернула его, открыв свою мантию и сумку. Чтобы доказать свою точку зрения, я быстро надела и застегнула мантию и показала, как я выгляжу, обнимая свой белый плюшевый кролик.

В качестве дополнительного прикосновения я поджала хвост и прижала уши к макушке.

— Ах да, понимаю. Прости меня.

— Ммм, нет. Всё нормально.

— Солнце уже поднялось над горизонтом. Я уверен, что вы предпочли бы отдохнуть и оправиться от пережитого в знакомом месте. Позвольте мне проводить вас.

Старик махнул другой рукой в сторону двери, прежде чем выйти. Я не могла не смотреть на него несколько секунд, прежде чем поняла намёк и последовала за ним. Мои щёки слегка потеплели. Как будто со мной обращались как с леди или что-то в этом роде.

(Или, скорее, я женщина, так что в каком-то смысле это только правильно?)

Казалось, что это был первый раз, когда я почувствовала положительную сторону того, чтобы быть женщиной в общественном месте. Всё моё время с Алисией было совершенно частным, и с сиротами ко мне относились не как к женщине, а как к взрослой. Филия была ближе всех, но с тем, как она обращалась со мной, не было особой разницы между мужчиной и женщиной.

Этот старик заставил меня почувствовать, что со мной обращаются как с женщиной, и это немного меня обрадовало. Как будто я могла немного гордиться тем, кем я была. Это было совсем не похоже на то, как этот развратник или головорезы обращались со мной, как с объектом.

(Ну, если не считать того владельца парфюмерного магазина, хотя он обращался со мной скорее как с покупательницей, чем как с женщиной.)

Хотя я чувствовала, что теряю всё больше и больше своего прежнего "я", я должна была признать, что наслаждалась этим чувством.

— Позвольте мне проводить вас до вашего дома.

Как только мы подошли к главным воротам, старый дворецкий обернулся и сделал мне это ужасное заявление.

— Ах, нет. Вы, должно быть, заняты. Я не могу.

— Нет, вы гостя моего господина, и вам надлежит быть должным образом сопровождаемым.

— Но, но после того, что случилось, разве тебе не придётся остаться, чтобы справиться с

последствиями?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/27128/751702>